

7. Этническая общность возникает под влиянием социально-экономических, политических и иных факторов². Но однажды возникнув, она вынуждена использовать единый язык — общую вербальную систему коммуникации, которая может варьировать (и обычно, варьирует) в диалектах. В такой же мере она должна выработать единый (и тоже варьирующий) в пространственных, временных и социальных координатах) «язык» культуры. Он так же условен, как естественный (вербальный) язык — это не только поведенческие стереотипы или вещи, но и обслуживающая их знаковая система, т. е. система определенных взаимосвязанных значений, обозначений, символов и т. д., которые обеспечивают коммуникативность культуры, традицию. Поэтому семиотика культуры — один из важнейших разделов теории культуры и теории традиции.

Б. М. Бернштейн

ТРАДИЦИЯ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ СТРУКТУРЫ

Высоко оценивая идеи Э. С. Маркаряна относительно роли традиции в культуре, развитые в целом ряде работ и сформулированные (с существенными добавлениями) в обсуждаемой статье, рискну предложить несколько соображений, которые родились в ходе размышлений над художественной традицией, но могут иметь и более широкое значение.

С точки зрения системного подхода аналогия между ролью традиций в культуре и генетических программ в биологической сфере вполне обоснована. Однако ни традиции, ни генетические программы нельзя рассматривать только как устройства для сохранения и передачи проверенных приспособительных реакций, благодаря которым система сохраняет себя в среде. Системный подход велит теоретически различать две ориентации механизмов наследования. Одна экстравертна, т. е. направлена на окружающую среду, а точнее, на взаимодействие своей системы с метасистемой. Другая интровертна, т. е. направлена на собственное устройство самой данной системы. Чем сложнее система, тем большее место в ее жизнедеятельности занимают самоорганизация, саморегуляция, координация действий составляющих ее подсистем, согласование внутренних процессов и т. п., и сохранение опыта этого рода обеспечивает системе целостность и идентичность. «Интровертная» ориентация присуща социальному наследованию в такой же, если не в большей, степени, нежели наследованию биологическому. Следовательно, есть смысл посмотреть на традицию с точки зрения ее внутренней функции. Такой взгляд открывает в ней некоторые специфические свойства.

Если попробовать представить работу традиции на атомарном уровне, то она может быть изображена как повторяющаяся трансляция одинаковых текстов. Но передача текстов имеет смысл, если в принимающей системе, будь то особь, группа, коллектив, в результате наблюдается прирост информации. В случае стереотипных сообщений, как кажется, прироста информации произойти не может; информативная ценность повторных сообщений должна быть равна нулю, а сама деятельность по их передаче выглядит бессмысленной.

В действительности стереотипные сообщения, хотя и не могут нести информацию, часто обладают информационной ценностью, существенно отличной от нуля. В отличие от оригинальных сообщений, их стереотипных собратьев менее двух быть не может. Следовательно, между их поступлением проходит *время*, которое не бывает «пустой длительно-

² См. Ю. В. Бромлей. Этнос и этнография. М., 1973.

стью»: с течением времени в принимающей системе (или с принимающей системой) что-нибудь да происходит. Скажем, после первого из двух одинаковых сообщений поступает сообщение, ему противоречащее или вовсе разрушающее парадигму знания и образ мира, к которым принадлежит и которое утверждает первое сообщение. Повторение в этом случае будет иметь информационную ценность, поскольку оно будет восстанавливать утраченное знание, реставрировать деформированную структуру.

Если же между двумя одинаковыми сообщениями никакие противоречащие им, «дезинформирующие» по отношению к ним сообщения не поступали, приемник (его знание, организация, структура) все равно не остается неизменным, поскольку всякая система обречена энтропии. Течение времени влечет за собою рассеяние информации, забывание, размывание структур, дезорганизацию. Повторные сообщения возвращают забытое: не принося нового знания, они хранят уже имеющееся, восстанавливают и непрерывно «достраивают» разрушения, наносимые временем сложившимся структурам мысли, поведения, организации.

Для большей наглядности можно представить классификацию социокультурных систем по информационному признаку. К первому классу будут отнесены коллективы, добывающие и вырабатывающие информацию в количествах, недостаточных для компенсации энтропии. Такие сообщества рано или поздно должны развалиться. Ко второму классу будут принадлежать коллективы, вырабатывающие информацию, достаточную и только достаточную для гашения энтропии; ясно, что при этом условии они переступают порог выживания. В состоянии подобного равновесия общества, которые мы называем традиционными, застойными, каноническими, могут пребывать неопределенно долгое время: традиция делает свое дело. Исторически и логически малоподвижные общества — первые, которые способны выстоять, поэтому начало истории мало исторично. Наконец, третий класс — динамические, креативно ориентированные культуры, где лавинообразный рост информации все более превышает энтропийные потери, но традиция остается верна своей функции — она их только компенсирует.

Здесь мы подходим к следствию, имеющему особое значение. Если совокупность информации, закрепленная в традиции и ею передаваемая, сохраняет, поддерживает и восстанавливает социокультурные упорядоченности, то она сама должна быть соответствующим образом упорядочена. В отличие от всего накопленного опыта, который может быть механической суммой, беспорядочной россыпью, «кучей», традиция (в своей интровертной функции) хранит и передает отобранный, упорядоченный, структурно организованный опыт. Информационные массивы, будучи «вовлечены в традицию», получают такую конфигурацию и такое внутреннее строение, которые прямо или косвенно удваивают важнейшие аспекты социальной организации. Так формируются тексты, которые коллектив посылает самому себе, осуществляя посредством традиции коллективную автокоммуникацию.

Традиционные (или, по терминологии Э. С. Маркаряна, «традиционалистские») общества демонстрируют эту закономерность в чистом виде. С поразительной последовательностью обнаруживает структурообразующую (в особенности космологическую) интенцию искусство палеолита и неолита, равно как и неотделимая от него первобытная мифология, а вслед за тем — каноническое искусство классического и средневекового Востока, европейского средневековья и т. д.

Традиционная информация, ориентированная на самоподдержание системы, не обязательно должна быть истинной. Будучи составлена даже из ложных или искаженных представлений о мире и о собственной культуре, она может вполне удовлетворительно выполнять свою интровертную функцию. В этом, видимо, причина живучести стереотипов традици-

онного сознания и поведения, противоречащих очевидным эмпирическим данным и элементарной целесообразности приспособительных действий.

Другое отличие опыта от традиции выступает особенно отчетливо в сложных динамических культурах, где общий объем информации гораздо больше той ее части, которая «захвачена» традицией. Некоторая часть опыта стихийно забывается или сознательно вытесняется из социальной памяти, другая же, — как правило, неизмеримо бо́льшая, — будучи неактуальной здесь и сейчас, остается в специальных хранилищах, архивах культуры как фонд, который обладает потенциальной ценностью и в нужный момент может быть «призван к актуализации». Меняющаяся традиция в связи с каждой крупной инновацией черпает из этого фонда необходимые сегменты опыта и выстраивает из них новые порядки.

Хотелось бы остановиться еще на двух моментах. Первый: следует ли отнести к традиции кодифицированные нормы? Перед исследователем художественной жизни возникает аналогичный вопрос, когда он сталкивается с феноменом художественного канона. В «доканоническом» традиционном искусстве правила, по которым строятся художественные тексты, заключены в самих текстах и передаются вместе с ними (поэтика фольклора «растворена» в самом фольклоре и может быть эксплицирована лишь исследователем фольклора). Канон — первый метатекст, иначе, первая и специфическая форма эксплицитного существования правил построения художественных текстов; специфическая потому, что правила эти имеют вид инструктивных моделей (от наглядных копий начиная и до математических формул, задающих пропорции), но не стали еще теорией.

Функционально канон оказывается конструкцией, поддерживающей и укрепляющей традицию. Если традиция обеспечивает сохранение, восстановление и воспроизведение стереотипов социальной организации, поведения и мышления, то канон, как бы удваивая традицию, обеспечивает устойчивость и воспроизведение ее самой. Это «леса традиции», необходимые там, где дезинформирующие с точки зрения данной системы воздействия — как извне, так и изнутри — становятся реальной угрозой. Ближайшим примером может служить европейское средневековье, когда вне христианства существуют альтернативные (и вполне «конкурентоспособные») культурные модели, внутри христианства — ереси, где, наконец, заметно возрастают личностное начало и личностное сознание, несущие в себе возможность дезинтеграции. Не исключено, что всякая модификация — по аналогии с художественным канонам — может быть рассмотрена как «метатрадиция», имеющая целью укрепление и поддержание собственной традиции.

Второй момент связан с проблемой соотношения общечеловеческих, ареальных и локальных элементов в культурах и культурных традициях. Решение, предложенное Э. С. Маркаряном, кажется мне шагом в верном направлении. Однако на самом этом решении лежит отпечаток определенной традиции, естественно присущей этнографии или культурной антропологии. Понятие «локальной» традиции уже самим названием отсылает нас к ограниченному культурно-географическому пространству, в то время как занимающие нас членения пролегают иногда в «чисто» культурном пространстве и не поддаются географической локализации. Если верно, что традиция работает на сохранение человеческих общностей, то необходимо принять в расчет любые общности, в том числе и экстерриториальные. Как локализовать, скажем, «морские традиции», памятуя, что это традиции общности «моряки», которые сохраняют свое значение и на суше? Свойством большей или меньшей экстерриториальности могут обладать традиции классовые, конфессиональные, профессиональные и даже этнические — в случае рассеяния этноса. Вот почему термин «локальные» кажется недостаточным; возможно, что для полной классификации потребуется еще одна координата.